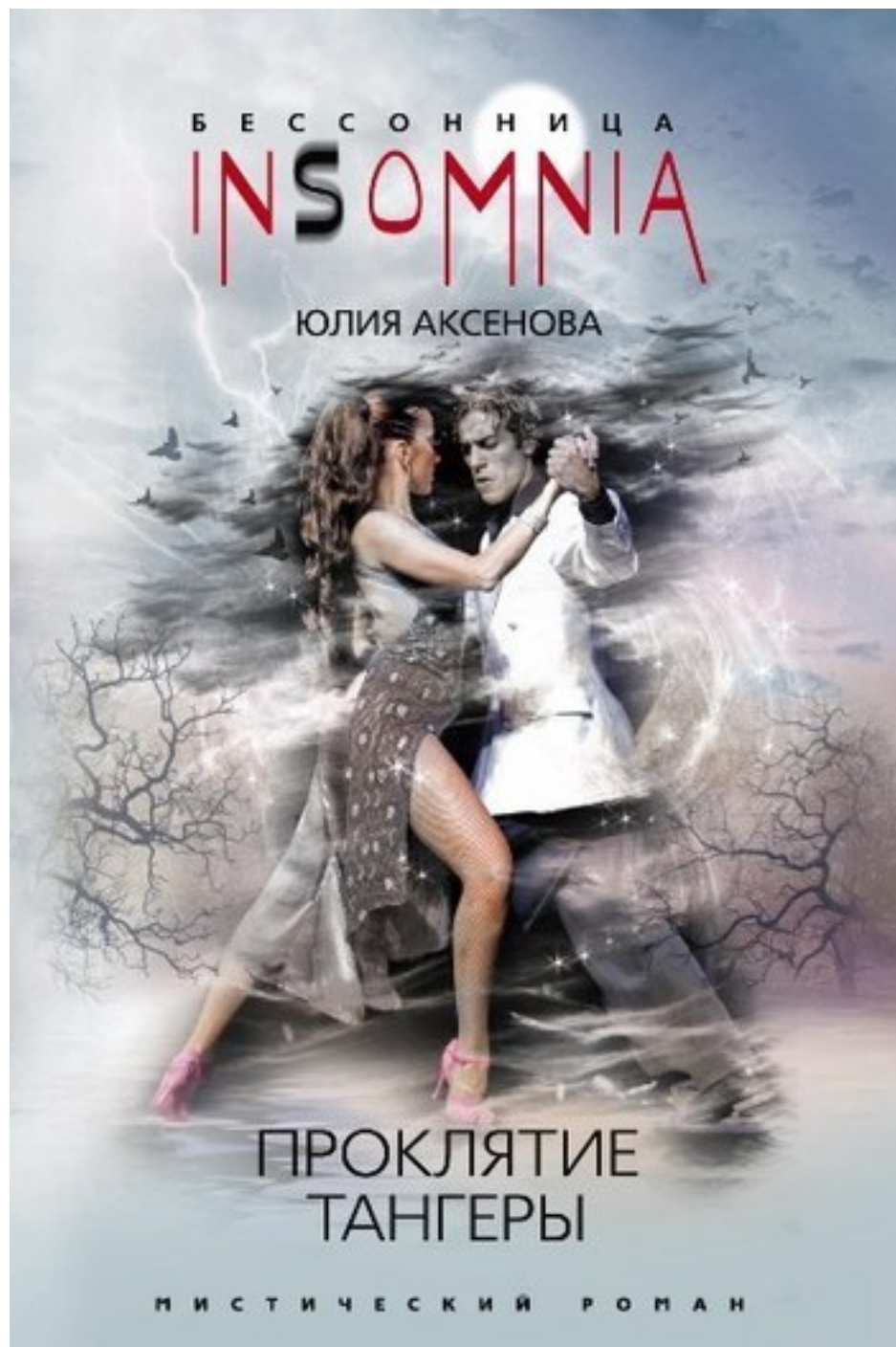

Б Е С С О Н Н И Ц А
INSOMNIA

ЮЛИЯ АКСЕНОВА

ПРОКЛЯТИЕ
ТАНГЕРЫ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Юлия Аксенова
Проклятие тангеры

«Центрполиграф»

2010

Аксенова Ю.

Проклятие тангеры / Ю. Аксенова — «Центрполиграф», 2010

Шумный радостный праздник, которого столичные поклонники танго ждали целый год, обернулся чередой потерь и дурных предзнаменований. Первые же дни зимнего фестиваля омрачились несколькими смертями. Случайными с виду жертвами стали самые знаменитые люди в московском сообществе танго – этом интимнейшем мирке сублимированной чувственности. Для них, так внезапно и нелепо погибших, танго давно стало смыслом жизни, заменив все прочие интересы и достижения. По клубам стали шепотом рассказывать легенду о Черной Тангере, мистической исполнительнице танго, которая уводит своих партнеров в мир иной...

Содержание

Понедельник	5
Вторник.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Аксенова

Проклятие тангеры

*Мы в этом танце
До неприличия близки,
Станцует танго —
Все остальное – пустяки!*

А. Горбачева. Танго

Понедельник

Подпольная «Аргентина»

*Засыпая, я вижу вновь,
Что балконная дверь чуть приоткрыта,
И кисейную тюль
В окно, где пыльный шоль,
Выдувает капризный сквозняк.*

И. Богушевская. Рио-Рита

Ритмичная музыка выплеснулась в открытую дверь, мгновенно застыла льдинками аккордов в морозном воздухе и под обжигающим порывом ветра рассыпалась вьюжной пылью.

Музыка колыхалась, закручивалась бурунчиками, пока он спускался по узкой лестнице в полуподвал. Она плыла по разрисованному видами старинных узких улиц и танцующих пар коридору. Стучалась, чем ближе к ее обиталищу он подходил. В широком холле сложная танцевальная мелодия разлилась вольготно, резвилась, играла, тербила сердечные струны. Однако здесь никто, кроме вновь пришедшего, казалось, не обращал на нее внимания. Две женщины неопределенного возраста оживленно болтали, держа в руках по бокалу темно-красного вина. Одна была одета в полупрозрачное платье с глубоким декольте и обнаженной спиной, другая – в футболку с надписью «Milonga forever» и серые джинсы из грубой ткани. Зато на ногах у обеих – красивые туфли со шпильками сантиметров десяти высотой. Вошедший беззлобно усмехнулся. Просторное кресло в укромном уголке за нарядной новогодней елкой оккупировала парочка. Сидели молча, тесно прижавшись друг к другу, сплетя руки.

Вошедшему не было резона здесь задерживаться. Уворачиваясь от свисающей с потолка блестящей мишуры, он двинулся к дверному проему, за которым была подсвеченная огненными бликами темнота и двигались тени в такт очередной мелодии.

После ярко освещенного холла в зале, где горели только свечи, на глаза будто упала темная ткань. Танцующие пары покачивались – разнообразно, но ритмично, – так бегут волны морского прибоя. Он стал всматриваться. Сердце привычно сжалось. Почти незаметно. Слегка. Но сжалось. С кем она танцует сегодня? Сколь нежно лежит на ее талии рука чужого мужчины? Сколь властно привлекает к себе гибкое, податливое тело женщины? Женщины, которая с захватывающей дух стремительностью наполнила с недавних пор жизнь его души и тела, его дом, его дела и развлечения.

– Костя!

Он невольно выдохнул с облегчением: она и не танцевала вовсе! Она заметила своего мужчину прежде, чем он догадался повернуть голову в сторону барной стойки. Ее улыбка светила искренней радостью.

– Привет, Ксюш! – бросил Константин нарочито небрежно.

Нарочито небрежно поцеловал губы, простое прикосновение к которым запускало гулять по беззащитному организму сладкий огонек.

Ксения наплевала на его сдержанность; ладони стремительным и плавным жестом скользнули вверх. Короткое приветственное объятие.

– Как дела?

– Все хорошо!

Константин с удовольствием отметил, что смуглость ее лица заметна даже в полутемном зале. И бархатистая кожа плеч хранила золотой загар. Он покосился в сторону зеркала. Вид собственной физиономии на первый взгляд огорчал: красная, как скорлупа вареного рака, и, главное, облезает! Но зато, когда они с Ксенией стоят рядом, да еще держась за руки, как сейчас, любому сразу ясно, что новогодние праздники они провели в далеком солнечном краю – вместе! Пусть знают, завидуют, отчаиваются; пусть потеряют всяческую надежду!

– Ну, ты созрел? – поинтересовался, протягивая ему руку, импозантный седовласый джентльмен. По-другому и не назовешь Леонида Коренева – истинного учителя танго.

Высокий, склонный к полноте, он, пожалуй, казался бы даже грузным, если бы не двигался так непринужденно, изящно, гибко. В тесном мирке любителей танго, где все от мала до велика обращались друг к другу по имени, никто не называл Коренева Леной. Звали либо по фамилии, либо накрепко прилипшим к нему уважительным прозвищем: Лео. Ученики с гордостью поясняли: «Ну как же, наш лев!» Большая голова, увенчанная пышными седыми кудрями, и впрямь вызывала ассоциации с царем зверей, а для восторженных учеников он был конечно же царем танцпола.

Константин растерялся. Он довольно часто общался с Леонидом: когда заезжал за Ксенией на урок, когда приходил на милонгу. Ксения перезнакомила его со всей группой, и каждый дружелюбно перекидывался с ним хоть парой слов. Костя много раз слышал, как Лео острит во время урока, подшучивает над учениками, но ни разу тот не пересекал грань бестактности. Как же он позволил себе сейчас задать вопрос столь личного свойства, да еще при Ксении?!

Лео смотрел в упор темными, как маслины, глазами – слегка раскосыми, слегка прищуренными, хитрющими. Как будто знал, что Костя уже почти готов дать положительный ответ, но один нюанс так сильно его смущает, так огорчает, вызывает такую досаду!

– Ну?! – настойчиво потребовал Лео. Его необычайно подвижное лицо выразило глубокую серьезность. – Пора догонять Ксению! А то смотри, не ровен час, она у нас в примы выбьется, – лукавый и ободряющий взгляд в сторону молчаливой третьей участницы беседы и смущенное удовольствие на ее лице, – а ты так и останешься пажом королевы: отвезти, привезти, туфельки притащить из багажника, застегнуть на загорелой ножке!

Все это говорилось, очевидно, не столько для Кости, сколько для Ксении. Та застенчиво смеялась, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

«Так он – о танго!» – с облегчением подумал Костя.

– Некогда мне учиться, – сообщил он радостно, – согласен на роль пажа при королеве! – подмигнул Ксении. – Очень романтично, а?

– Ну, смотри! – не унимался разрезвившийся Коренев. – На нее знаешь какой спрос пойдет среди хороших танцоров! Как бы не увели! Чуть-чуть осталось. – Учитель танго посерьезнел. Он вновь обращался к ученице: – Ногу расслабить, и только. Я же не много прошу!

– Одну? – приободрилась Ксения.

– Одну! – подхватил Лео с охотой. – Вторая уже в порядке!

Косте вновь было несколько не по себе. Ну, хоть чуточку подсократить работу – и впрямь пошел бы подтягивать двигательную сферу, догонять Ксюшку!

– Так что давай, Константин, учись, не тяни время! – заключил Лео и, сочтя беседу завершенной, быстро удалился гибкой походкой, гордо неся благородную голову.

– Ты танцуешь?

Его будто не заметили! Немолодой худощавый мужчина с пышными усами и почти непристойным лукавством в глазах смотрел только на Ксению. Константин счел его бестактным: разве не видит, что люди только встретились, что они в особых отношениях?! Но любимая бросила на него короткий, уже не видящий взгляд, формально уточнила:

– Ты не против?

Константин промедлил с ответом. Глаза женщины ожили, в них появился интерес. Костя заставил себя наконец кивнуть. Ксения мимолетно улыбнулась и тут же порхнула – иного слова не подберешь! – к усатому.

Константин сжал зубы. Все же придется учиться танцевать. Разумеется, не этот вычурный танец под отвратительные тягучие мелодии! Ксения обещала, что пойдет с ним на любые уроки – хоть вальс разучивать, хоть сальсу.

Глаза автоматически отслеживали движения знакомой пары. Сегодня танцпол был битком набит: первая фестивальная милонга! И все же Ксения выделялась в толпе: этим вечером она надела весьма открытый сарафан яркого небесно-голубого цвета, оканчивавшийся в районе бедер лохмотьями разной длины. Уже после нескольких сдержанных шагов движения едва прикрытых резаной тканью стройных ног стали неприлично размашистыми, соблазнительными, откровенными. Они сновали вокруг ног партнера, обвивали, скользили по ним вверх, все выше. Константин запомнил названия этих па. Ксения считала, что, если он сумеет подобрать к *этой* умные слова, то эротический смысл сам собою улетучится из привычных и понятных движений. Слова вылезали из памяти легко. Только не успокаивали. Они шипели по-змеиному и жалили, как шершни: очо, ганчо, саккада, баррида...

Усатый партнер жестко зажал правую ладонь Ксении в своей левой. Левая рука женщины со спокойной нежностью скользила по тощей спине: то к шее, то к плечу. Ее грудь с абсолютной упругой откровенностью прижималась к груди партнера. Их разделяли два тонких полотнища ткани: голубое – сарафана Ксении и темно-синее – рубашки усатого. Пара в своем кружении по залу вновь приблизилась к Косте. Ксения то и дело оказывалась к нему лицом. Глаза были плотно закрыты, брови сдвинуты. На сжатых губах то и дело расцветала напряженная улыбка сдерживаемого удовольствия.

Константин и сам чувствовал, как сжимаются зубы и стекленеет взгляд. Господи, он никогда не считал себя ревнивым! Но как быть, если он совсем в другие моменты жизни видел Ксению именно такой: сдержанной, упорно не выпускающей на волю ни страсть, ни наслаждение. Но в те моменты ему казалось, что эта женщина по натуре достаточно холодна. На танцполе же наледь ее сдержанности выглядела фальшивой и ненадежной. Наблюдая со стороны танец возлюбленной с другим мужчиной, Константин не понимал, чего хочет сильнее: чтобы она, чопорно раскланявшись, вышла из игры, или чтобы отдалась наконец без остатка огненной стихии любимого танго? Хоть чему-то отдалась пылко, полностью забывая себя...

Но не с этим же усатым, невзрачным партнером, в жилах которого, сразу видно, – рыбаць кровь! Если бы Лео, быстрый и ловкий в движениях, излучающий мужское обаяние... Ксения часто жаловалась, что боится танцевать с Корневым даже на уроке, а уж на милонгах – танцевальных вечерах – тот, к счастью, не смотрит в ее сторону... Если бы великолепный Лео взял Ксению в объятия и понес по залу в стремительном, рваном ритме – у нее не осталось бы времени размышлять и рефлексировать. Ее умная, красивая голова наконец отключилась бы, а дивное тело... Ксения и Лео вместе смотрелись бы органично... Константина сильно передернуло. Надо учиться танцевать!

Поскольку продолжать пялиться на одну и ту же пару, хоть в ней и танцует любимая женщина, Константин счел неприличным, он вовсе оторвал взгляд от танцпола и медленно двинулся вдоль стен, рассматривая картины. Он не единожды видел и автора, и его произведения. Все же картины притягивали внимание. В основном это было нечто среднее между живописью

и графикой. На темном фоне, где едва проступали смазанные силуэты каких-то предметов и людей, четкими, тонкими линиями – фигуры двух танцующих. Линии не изображали людей целиком – лишь угадывались знакомые танцевальные позы, но в этих абстрактных фигурах были и динамика, и нежность. Одну картину Костя тут особенно ценит. Совсем другая стилистика: крупным планом живописный портрет танцующей танго девушки – только лицо и обнаженные плечи. Выражение полной самозабвенности – как удастся художникам такое передать?!

Он все-таки нет-нет да и поглядывал на танцующих. Усатый вцепился в Ксению намертво. Однажды та встретилась взглядом с Константином – виновато улыбнулась. Во время очередного перерыва между мелодиями она вывернулась из-под руки партнера, придавившей ее плечо, что-то смущенно объяснила, указав рукой на свои ноги и неопределенно махнув головой в сторону друга. К Косте усатый Ксению не повел. Проводил до свободного стула, стоявшего у самой двери, – туда, «где взял». Как только бывший партнер отвернулся, голубенькая фигурка вспорхнула со стула и направилась к Косте.

Ксения выхватила из кармана его пиджака веер, который сама же туда засунула, и принялась отчаянно обмахиваться. Ходить на милонгу без веера – признак неопытности тангеро или тангеры!

– Ну, молодой человек просто отойти от тебя не мог! – заметил Константин язвительно. На самом деле усатый был явно старше его самого – что-нибудь после полтинника.

– Молодой человек? – Ксения заливисто рассмеялась, глядя прямо ему в глаза. Взгляд был ласковым и теплым. Константину хотелось продлить удовольствие, и он снова поддразнил.

– Что ты смеешься? – спросил без улыбки. Ксения еще больше развеселилась. – Ну что ты смеешься?!

Ксения перестала смеяться и нежно чмокнула его в губы.

* * *

Официальное открытие московского международного тангофестиваля состоялось вчера. Новый – зимний – фестиваль обещал, судя по составу участников и количеству запланированных мероприятий, стать весьма масштабным событием. Открытие недаром приурочили к старому Новому году: на каникулы многие уезжают, да и Рождественский пост надо уважать. Теперь все в Москве, вышли на работу, но праздничное настроение еще сохраняется – самое время для танцевальной феерии! Народ валом повалит на мастер-классы приехавших всего на неделю знаменитых аргентинцев, на милонги и шоу.

Несмотря на воскресный день, шоу почтил своим присутствием посол Аргентины, традиционно сообщивший, что перед москвичами, российскими и зарубежными гостями мероприятия выступят действительно лучшие представители танго-культуры, известные и уважаемые на его родине танцоры. Неожиданно посол признался, что сам равнодушен к танго: его поколение в молодости считало танго устаревшей забавой пожилых, безнадежно несовременным танцем, короче, «отстоем». Еще неожиданнее он принялся превозносить русские народные танцы и всерьез укорять присутствующих за то, что они интересуются культурным наследием чужой страны больше, чем собственной. Видно, достали аргентинца эти обязательные – по нескольку раз в год! – посещения фестивалей.

Его уважительная, но полная искреннего непонимания и скрытого пренебрежения к культуре танго речь возымела на Наташу запланированное дипломатом действие: она устыдилась и удивилась. В самом деле, почему бы, собираясь вечерами в клубе, не водить хороводы, не отплясывать барыню, кадрили? Но поскольку клубов русского танца все равно не существует – только самодеятельные ансамбли, где никакой импровизации – сплошное заучивание, то и говорить не о чем! Будем продолжать осваивать танго!

Хотя торжественное открытие состоялось воскресным вечером, свое название фестиваль «Танго новогодней ночи» оправдал только сегодня – большой милонгой в ночь с 13 на 14 января, под старый Новый год. Помимо танцев, ожидалось всяческие сюрпризы, конкурсы костюмов, розыгрыши призов.

Главная интрига праздника, прикрытая белым полотнищем с небрежно нашитой на него блестящей мишурой, ждала своего часа в торце главного танцевального зала клуба «Витанго» (полное название – «Витатанго» – редко кто произносил). В предпраздничные декабрьские дни этот зал оставался закрытым и из него доносились громкие звуки строительно-ремонтного происхождения. В каникулы клуб работал вяло: одна милонга да практики для немногочисленных энтузиастов. Наташа забрела разок. Главный зал так и оставался закрытым, хотя на сей раз хранил загадочную тишину.

Валентин Измайлов – хозяин клуба и один из главных предводителей московского танго-сообщества – в самом начале вечера объявил, что гостей ожидает грандиозный сюрприз, и попросил всех проявить сознательность: не заглядывать под белое полотнище раньше времени. Правду сказать, любители нарушать условия нашлись, и Наташа, не терпевшая всяческих запретов и ограничений, оказалась в их первых рядах. Но ее постигла неудача. Измайлов, как оказалось, не полагался на честность гостей и прикрепил ткань мебельными скобками к полу и стенам. Не приподнять! По очертаниям тоже не угадать: огромный кусок материи попросту не имел никаких определенных очертаний.

Наташа танцевала, общалась с народом, участвовала в конкурсах и даже выиграла в лотерею майку с названием клуба, но любопытство распирало ее все сильнее.

Когда Измайлов остановил музыку, Наташа танцевала с Романом. Валентин попросил всех гостей выйти из зала, чтобы он мог спокойно подготовить к демонстрации обещанный сюрприз.

– Давай спрячемся и все увидим первыми! – веселым шепотом предложил Рома.

Наташа рассмеялась, захлопала в ладоши и запрыгала на месте, в восторге от предстоящего озорства.

В наступившей суматохе молодые люди, крепко взявшись за руки, пробрались к барной стойке. Рома прикрыл Наташу своим широким телом, и она юркнула под высокую стойку. С удобством разместилась среди коробок с кофе, чайными пакетиками, вином и всяческим «сухим кормом». Каким образом удалось незамеченным просочиться сюда же массивному Роману, осталось для нее загадкой. Однако на то он и бывший десантник!

Шаги и голоса довольно скоро стихли. Музыка громче зазвучала в холле, а над их головами – тише. Сильно хлопнула и клацнула запором дверь.

– Оксана, поставь дверь на «собачку», чтобы не вошли раньше времени, – послышался повелительный голос Измайлова.

Не видя самого Валентина, а только слыша его сильный и властный голос, трудно было представить, что он исторгается из довольно щуплой груди, что его обладатель худощав и невелик ростом.

Прямо над Наташиной головой – бар находился у самой двери – снова громко клацнуло. Стук шпилек удалился в противоположный торец зала.

– Открепляй с этой стороны, а я – здесь, – опять распорядился Измайлов.

Роман сжал Наташину руку своей огромной ладонью. Прошептал в самое ухо:

– Смотри!

И легонько потянул ее к себе.

Оказывается, между фанерными панелями стойки имелась узкая щель. Заглянув в нее одним глазом, Наташа увидела, как Оксана и Измайлов, орудуя какими-то небольшими металлическими предметами, отдирают от пола и стены мебельные скобы, держащие ткань.

Рома заботливо прижимал девушку к груди, чтобы создать ей максимальный комфорт, а сам сопел над ее макушкой: тоже приник к щелочке.

Невысокий Измайлов придвинул к сюрпризу стул, встал на него и теперь сумел дотянуться до самого высоко расположенного уголка материи. Еще пара отшелкнутых скобок – и полотнище соскользнуло вниз. Наташа и Рома одновременно ахнули.

– Как здорово! – издала Наташа полусшепот-полуписк. – Он настоящий?

Камин! Большой, черный, со светлыми изразцами, разбросанными по фронтону, с широкими дверцами прозрачного стекла.

– Похоже, – теплое Ромино дыхание приятно обдувало ухо, – вон же труба уходит вверх.

– Точно настоящий! Смотри!

Валентин Измайлов взял несколько чурочек из солидной поленицы, сложенной рядом с камином, аккуратно уложил их внутри и – о, сказочное чудо! – принялся поджигать!

– Как романтично, правда? Пустой зал, свечи, камин, и мы, как дети, прячемся в укромном уголке, чтобы первыми узнать секрет!

Рома по-прежнему держал Наташу обеими руками и, отстранившись от щели, близко-близко смотрел ей в лицо. Полные губы, приоткрытые в полуулыбке, оказались как раз напротив ее губ. Еще мгновение – и Рома, скорее всего, ее поцелует. Наташа была не готова к такому стремительному развитию событий и от неожиданности дала задний ход.

– Очень романтично! – подхватила она с энтузиазмом. – Интересно, как только ему удалось получить разрешение и куда он вывел дымоход?

Роман стремительно прижал палец к ее губам. Наташа затихла. Ужас перед разоблачением перебил страх от слишком стремительного сближения с очень симпатичным ей мужчиной.

Мягко простучали шаги: мужская танцевальная обувь – нежнее домашних тапочек. Клацнула «собачка». Из двери протянулась широкая полоса света, на секунду вернулись музыка и шум. Дверь опять прикрыта. В холле Измайлов громко объявляет очередной конкурс: на самую оригинальную и на самую близкую к истине догадку, что находится в танцевальном зале. А тут...

Каблуки быстро и решительно застучали в сторону барной стойки. У Наташи бешено заколотилось сердце. Конечно, ничего страшного. Но неловкости – не оберешься! Рома непрозвольно – или намеренно? – стиснул ее предплечья и припал к щели. Наташа не рискнула пошевелиться.

Шаги подобрались совсем близко. Спустя мгновение Рома ослабил хватку. Шаги стали отдаляться. Наташа поднырнула под Ромину голову, чтобы тоже что-нибудь увидеть.

Оксана уже вновь стояла у камина. В руках – бокал темного вина и бутерброд, кажется с ветчиной. Отщипнутые кусочки ветчины и хлеба полетели в огонь. За ними Оксана плеснула туда же вино из бокала. Огромный язык пламени взвился вверх и исчез в трубе.

Дверь с шумом распахнулась настезь, в нее, предводительствуемый Валентином Измайловым, повалил народ. Было видно, как каждый входящий замедляет шаг или вовсе останавливается у входа. Слышались восхищенные вздохи, возгласы. Басовитый мужской голос завопил:

– Я победил! Слышите, это я угадал!

– Приступаем к завершающему этапу операции, – прошептал Рома. – Готовься, я дам знак!

Он скользнул между коробок с вином и провизией, задержался у маленькой дверцы бара, приподнял голову над стойкой и в мгновение ока оказался снаружи. Наташа не сразу сообразила, что он отчаянно машет протянутой назад рукой: мол, выходи скорее, можно! Она рванулась вперед. Выскакивая через дверцу, сильно ударилась плечом о край стойки. Раздался звон посуды, все хлипкое сооружение мелко затряслось. Наташе казалось, что это должны заметить все. В довершение бедлама на нее напал неудержимый приступ смеха, и все тело завибриро-

вало, усиливая колебания стойки и звон посуды. Но, когда она выпрямилась и очухалась, обнаружила, что все обращены спиной к ней, лицом к камину, и слышат только треск поленьев и обсуждают только не обманувший ожиданий сюрприз.

Оказывается, из-под прилавка, где Наташа – от спешки и растерянности – чуть не застряла, Рома галантно вытащил ее за руку. Теперь молодые люди, довольные и сюрпризом, и удавшимся озорством, так и держась за руки, двинулись вперед.

Слишком злобным был взгляд, хоть и брошенный искоса и сбоку, чтобы его не заметить. Оксана, пунцовая, с разметавшимися кудрями, в бешенстве сверкнула глазами на благодушную парочку. Однако, заметив, что Наташа удивленно воззрилась на нее, девушка мгновенно изобразила полное безразличие и отвернулась.

«Неужели она заметила, как мы вылезаем из-под стойки?! Она же была в дальнем конце, у самого камина, а потом люди все загородили. Она, наверное, только что пробралась к столику со своим наполовину выплеснутым бокалом... И вообще, посмеялась бы над нами, съязвила. Откуда такая ненависть?!»

Наташа крепко задумалась. Оксана – официальная помощница Измайлова, Наташа – непризнанная правая рука Коренева. Оксану знают и уважают все, она отлично танцует, она – при плотном телосложении – все же гораздо стройнее. Какая тут конкуренция? Значит, верно подметила некогда, что у Оксаны особые отношения с Романом. Но ведь это было давно. Последнее время Рома всюду появляется только один. Обсуждать деликатную тему с самим молодым человеком считала неэтичным и несвоевременным.

Рома нырнул в толпу и вернулся с двумя полными бокалами: Измайлов уже начал говорить тост.

* * *

– Дорогие танговиты и гости нашего клуба! Теперь мы хотим сделать еще один подарок всем присутствующим, – произнес Измайлов. – Перед вами выступит хорошо известная многим пара из Аргентины...

Хозяин клуба, как обычно, лениво растягивал слова и говорил без улыбки, но в глазах его светилось торжество.

– У него сейчас есть все шансы лопнуть от самодовольства! – мягко произнес над ухом у Ксении знакомый голос.

Она обернулась, досадуя, что прослушала имена танцоров, но радуясь встрече.

– Толя, привет! Где пропал?

По традиции танговской тусовки собеседники приветствовали друг друга коротким поцелуем.

– В мерлихлюндии. Ты знаешь, что я расстался с Таей?

– Я не знала...

– Не скрою, мне это не просто далось. – Выразительные интонации приглушенного голоса. – Еще осень навевала тоску, как ей и положено... Но теперь я снова здесь, – глаза Анатолия маслянисто блеснули, – и я снова в поиске идеальной партнерши!

Надо было бы как-то пошутить на эту тему, но Ксения смутилась. Когда она только начала заниматься танго, Толя Юшко, высокий, крупный, с широченной кормой и тяжелым, шлепающим шагом, уже преподносил себя как опытного партнера, не почивающего на лаврах, а постоянно оттачивающего технику танца и подыскивающего подходящую партнершу из начинающих, чтобы воспитать ее и вместе идти к вершинам мастерства. Он активно флиртовал с Ксенией, как, впрочем, и с другими свободными партнершами. Ксения отвечала ему взаимностью, то есть флиртовала и с ним, и с другими: надо было выбираться из глубочайшей депрессии. Анатолий стал первым, с кем она пошла на милонгу. Она тогда едва умела выполнять

простые шаги и фигуры, но Толик вел так уверенно и разборчиво, что танец, полный импровизации, им удавался, выходило с огоньком! Короче говоря, Юшко оставил у Ксении впечатление отличного партнера и совсем бесперспективного ухажера: был щедр на неопределенные посулы, но скуп на их выполнение и вообще на элементарные знаки внимания.

Впоследствии Анатолий нашел, наконец, свой идеал. Ходили слухи, что крутая, то есть невероятно продвинутая в технике танца, партнерша помогла его мастерству подняться на недостижимую для многих высоту. Толя полностью отказался от любимого им прежде принципа: «сколько бы ни было девушек, всех перетанцую!»

И вот великолепный Юшко вернулся! Он, как обычно, стремится быть для женщин на танцполе привлекательным и желанным не только в танце. Ксения напряженно соображала, как сохранить расположение хорошего – что редкость! – партнера и при этом не обидеть Костю, откровенно флиртуя с другим мужчиной. А еще – черт возьми! – все-таки приятно, когда тебя зачисляют в претендентки на роль идеальной тангеры!

– Разве так уж трудно найти новую партнершу?

– Трудно! Я рассматриваю варианты...

Ксения наугад выбрала первую попавшуюся на глаза тангеру из бойких и давних участниц сообщества:

– Баира, например? Она нарасхват!

– Она сама всех хватает и силком тянет на танцпол. За несколько лет в танго так ничему и не научилась. – Это прозвучало зло.

– У тебя на Баиру зуб?

– Боже упаси! Я остаюсь в хороших отношениях со всеми своими бывшими женщинами.

– Значит, она тебе когда-то нравилась?

– Ошибки молодости. Наш роман пришелся на время учебы в университете. Год назад она вышла замуж за какого-то аспиранта. Правильно сообразила, что, когда перевалит за сорок, она уже никому не будет нужна.

– Антонина? – продолжила Ксения, заметив другую знакомую тангеру. – Уж у нее-то отличная техника!

– Мало удовольствия – танцевать с этой бешеной лошадейю.

– В каком смысле?

– Она совершенно не слушает. Сама несется куда захочет!

Ксения не рискнула продолжать перебор: слушать то, что говорил Анатолий, было совестно! Призадумалась: любопытно, какую гадость Юшко станет говорить кому-нибудь о ней самой?

Вступительные аккорды сменились сложной и красивой мелодией. Участники милонги расселись на полу и стояли вдоль стен, а в центре образованного людьми круга по танцполу металась в тесных объятиях красивая пара миниатюрных, хрупких аргентинцев. Ксения печально оглянулась: свободных мест, чтобы присесть – хотя бы на полу – и все видеть, не осталось. Ладно, кажется, это не надолго. Наконец, удалось сосредоточиться на зрелище. Она восхищенно ахнула, когда партнерша с невероятной скоростью и четкостью выполнила серию сложнейших шагов.

– Ты тоже так сможешь! – проворковал на ухо окрыленный ее смущением Юшко.

Ксения сдержанно улыбнулась. Хотелось ехидно поинтересоваться: «Под твоим чутким руководством?» Но она смолчала.

– Красиво загорела! – не унимался Анатолий. – В каких краях?

Ксения предполагала, что Костя, которому сейчас не пробиться к ней и которого она даже не находит взглядом в густой толпе, вполне возможно, видит ее. Ему наверняка тревожно наблюдать, как она улыбочиво шепчется с молодым мужчиной. Впрочем, она не делала решительно ничего плохого! Смотреть же красивых аргентинцев ей не особенно хотелось: ноги

после двухнедельного перерыва сами просились в пляс, а голова охлаждала их пыл, напоминая, что такой техникой ей не овладеть никогда. Ксения повернулась к Толе:

– Спасибо за комплимент! Еще позапрошлой ночью я находилась на Шри-Ланке.

– Дело хорошее! – Юшко оживился. – Сколько, если не секрет, стоит это удовольствие?

Вот и повод мягко расставить все точки над запятыми!

– Не секрет. Но я не знаю.

Анатолий ничуть не смутился:

– Вот даже как! Ну, правильно! Это очень хорошо! Иначе зачем тогда все это танго, верно?!

– Вот именно! – Ксения засмеялась и, чтобы избежать уточняющих расспросов, перехватила инициативу беседы: – Толик, а ты-то как? Говорят, у тебя невероятные успехи в танго!

Анатолий, в свою очередь, скромно потупился:

– Я многому научился. Но с Таей было невозможно... То, что она танцевала, – это было не танго!

– Должно быть, ты сам уже созрел до того, чтобы делиться мастерством! Не собираешься ли открыть свою школу?

Ксения думала, что шутит, подкальывает собеседника, но тот живо подхватил с нарочитой небрежностью:

– Возможно. Даже вероятно, что где-то через полгодика я открою свою школу!

–хлопотное занятие! Не помешает основная работа? Ты все там же, все тем же?

– Нет. Ушел со всех работ.

– А жить на что? Станешь зарабатывать частными уроками танго?

– У меня достаточно средств. Я кое-что скопил. Хватит даже на то, чтобы съездить на Мальдивы. И тебя с собой взять!

Ксения задохнулась от неожиданности. Потом на язык прыгнул вопрос: «Это приглашение?» Очень хотелось узнать, что Анатолий ответит, как далеко он готов зайти в раздаче авансов. Она покатила вопрос во рту и успешно проглотила. Не вышло бы как в анекдоте про английскую королеву: «Вот видите, ваше величество, вы уже торгуетесь!» И вообще, стало как-то неприятно, хотелось скорее отодвинуться от восходящей звезды танго-культуры. Она вновь как бы застенчиво потупилась. На самом деле до Ксении в этот момент доходил оскорбительный смысл реплики Юшко.

– Толя, извини, я отойду!

И она скользнула вон из зала – благо стояли рядом с выходом! Решила по возвращении сразу пробираться к Косте.

На обратном пути из туалета Ксения нос к носу столкнулась с аргентинцами: те направлялись в раздевалку – переодеться к новому номеру. Вслед за ними – неотлучный гид: жена Измайлова, кажется Нина. Толпа в зале вновь рассредоточилась по танцполу, и высокая Костина фигура в праздничной белоснежной рубашке сразу стала видна. Ксения направилась к нему, но на полдороги невольно остановилась: что-то происходило в зале, обстановка стремительно менялась. Она, наконец, услышала громкий голос Оксаны – партнерши Измайлова, его помощницы на всех уроках: Оксана намеренно перекрикивала шум. Разговоры смолкали. Все поворачивали головы в сторону камина.

Оксана стояла с бокалом в руке. Она произносила тост. Лицо покраснелось, девушка сбивалась, спотыкалась на труднопроизносимых словах. Невозможно было определить: то ли волнуется, то ли успела немного захмелеть.

– Нам не хватает техники, – продолжала она речь, начала которой Ксения не слышала. – Ну, кого из нас можно поставить рядом с этими аргентинцами?! А у них, между прочим, средненький уровень! Шоу Себастьяна, кто помнит... Все помнят!..

Из зала пришла шумная поддержка:

– Помним! Конечно, помним!

– Спасибо! Ну вот, Себастьян куда круче!

Девушка повыше подняла бокал.

– Давайте учиться, перенимать тонкости, чтобы было не стыдно!

– Оксана, давай тост пооптимистичнее! – весело и дружелюбно попросили из толпы. – Что мы в танго – нули без палочки, мы и так знаем!

– Козлы без рогов, – добавил густой бас, тоже добродушно-шутливый, но на его обладателя покосились неодобрительно.

Ксения заметила, что один человек слушает дурашливую перепалку с каменным лицом – хозяин клуба, Валентин Измайлов. Он стоял у камина в двух шагах от Оксаны. Недовольство его росло с каждым произнесенным словом. Последней реплики он не перенес.

– Я надеюсь, – протянул ледяным тоном, пристально уставившись в глаза плечистому приземистому мужчине средних лет, только что неудачно упомянувшему козлов, – ты не имел в виду всех присутствующих?

– Нет, к дамам не относится. – Бас искренне смутился, и его попытку сгладить неловкость новой шуткой народ поддержал ободряющими улыбками, но тяжелый взгляд Измайлова быстро их погасил. – Я, вообще, себя имел в виду... прежде всего! – сдался бас, явно не настроенный конфликтовать.

Валентин медленно перевел глаза на Оксану, от которой все по-прежнему ждали тоста. Девушка скорчила в сторону шутника выразительную физиономию, на которой зрителям следовало прочесть сострадание за перенесенную им публичную порку и решительное осуждение – за отказ от дальнейшей борьбы. Потом быстро обернулась к Измайлову:

– Валентин, да ко всем это относится, и к преподавателям! Мы ленимся, мы не учимся новому. Прибыль – это в танце не главное!

Лицо хозяина клуба вновь окаменело.

– Короче... Ребята! И девушки! Как скажет наш уважаемый предводитель, дорогие танговиты и гости! Я желаю нам всем настоящего аргентинского танго. Чтобы вот... как огонь в этом камине! И хороших учителей!

Народ с облегчением принялся чокаться пластиковыми стаканчиками. Тишина начала разбавляться репликами и смехом. Но так хорошо знакомый присутствующим тягучий голос Измайлова слышали все:

– А кому что-то не нравится в нашей системе преподавания, может уходить. Я не задерживаю.

Многие изумленно обернулись. В том числе и Ксения, которая вновь двинулась к Косте, заботливо державшему второй стаканчик с шампанским – для нее, и призывно, но с осторожностью помахивавшему им в воздухе.

В первый момент Ксения испытала облегчение, заметив, что Валентин не смотрит в зал, а пристально уставился на Оксану. Лицо девушки пошло красными пятнами. Она залпом допила шампанское. Казалось, что она сейчас разразится во всеуслышание новой тирадой, гораздо менее безобидной, чем тост. Но тут в зал впрорхнула Нина – и объявила, что танцоры подготовились к новому выступлению. Рассаживаясь вдоль стен на паркете, нарядная публика с веселым любопытством, но вполголоса обсуждала ссору Измайлова со своей верной помощницей.

Занять место на полу в первом ряду зрителей Ксения не успела. А долго стоять на ногах для нее с детства было мукой. Пройти пешком налегке километров десять – это с радостью! Но простоять десять минут подпирая стенку – увольте! Удобно стоявшие стулья расхватали. Костя, у которого была такая возможность, почему-то не поторопился занять ей место. Тогда она решительно направилась к неудобью, увлекая за собой Костю. Хотела просто опереться о стул коленями – все полегче будет! Но Костя сел сам, а ее пристроил к себе на колено. Теперь

он мало что видел за спинами и затылками, но Ксения, оказавшаяся повыше, получила вполне приличный обзор.

Прочное, удобное бедро, теплая, широкая грудь, к которой она прислонилась, крепкая рука, поддерживавшая ее плечо... С Костей так уютно и просто! Он сильный, надежный! Мечта любой женщины... Только теперь, отогреваясь у него на руках, Ксения заметила, что открытая спина, грудь, ноги в тонких колготках замерзли в полуподвальном помещении, где окна по случаю праздничного скопления народа были приоткрыты и атмосфера соткана из сплошных сквозняков.

- Костя, тебе в бок не дует? Ты же сидишь почти под самым окном! Накинул бы пиджак!
- Все в порядке! Мне жарко. Смотри, чтоб тебя не продуло.
- Мне с тобой тоже жарко!
- Врешь?

* * *

Маленьким аргентинцам долго восторженно хлопали. Они станцевали на бис. Измайлов, выступавший на этой милонге не только хозяином, но и диджеем, выбрал мелодию с незнамого им диска – быструю, но с четким ритмом. Танцоры выдали блестящую импровизацию и вновь сорвали бурю аплодисментов. Ко всеобщему удовольствию оказалось, что шоу еще не окончено. Под новую – медленную – мелодию аргентинец протянул руку Нине и аккуратно повел ее, постепенно усложняя танец. Вторую часть длинной песни он танцевал с Оксаной. Вот теперь аргентинцы удалились переодеваться, как обычно в сопровождении Нины. Публика, еще переживавшая увиденное, неохотно, медлительно приходила в движение, когда Оксана, оставшаяся в центре круга, подскочила к Измайлову и звонко крикнула:

- Станцуй так же, как он! Станцуй со мной! Покажи класс!
- С тобой? – Валентин надменно поднял бровь. – Ты видела, *как* Баутисто танцевал с тобой?

Лицо девушки вновь пошло красными пятнами.

– Станцуй хоть с кем-нибудь! С его партнершей! Попробуй сделать это лучше него, если не можешь так же!

– Я уже сказал. – Измайлов пренебрежительно усмехнулся и продолжал в гробовой тишине: – Те, кому что-то не нравится, могут здесь не задерживаться.

Оксана открыла и закрыла рот, глядя снизу вверх, облила своего учителя и партнера напалмом презрения, неожиданно быстро наклонилась и сорвала с ног алые туфли на высокой шпильке. В этих туфлях она всегда приходила на уроки. Распрямившись, швырнула их на пол и босиком, с великолепно выпрямленной гимнастической спиной, среди растерянного молчания пересекла зал. В дверном проеме обернулась, в полной тишине произнесла негромко, явно рисуясь:

– Думаешь, я уйду – и на этом все закончится? Они сейчас молчат. Но рано или поздно от тебя уйдут все!

Валентин, казалось, с облегчением проводил ее взглядом. Народ продолжал изумленно безмолвствовать. Крепкий парень с лысиной во всю макушку и хвостиком на затылке поднялся в дальнем углу, пробрался к двери. Проходя мимо брошенных девушкой туфель, с сомнением покосился на них и двинулся своей дорогой.

Измайлов опустил глаза на красные туфли. Неторопливо, с достоинством, будто исполнял специально придуманный номер, наклонился, брезгливым жестом поднял туфли, брезгливо оглядел их, держа на весу. Всем, кто стоял поближе, стало видно, что туфельки старые, потертые, с сильно стоптанной, едва не до дыр протершейся подошвой. Коротко размахнув-

шись, Валентин швырнул туфли в камин. Легкий вздох пронесся по дрогнувшим рядам любителей танго.

– Вот такие у нас аргентинские страсти, – бросил Валентин, демонстративно отряхнул руки и неторопливо направился к бару.

Пламя, плясавшее на поленьях, отступило от прибывшего его предмета. Долго, осторожно приближалось, пробовало туфли на язык, вновь отскакивало, шипя и отплевываясь. А потом внезапно вспыхнуло, охватив их целиком. Красная кожа мгновенно растворилась среди огненных всполохов. Затем туфли почернели и стали терять форму. По залу распространился запах горелой кожи, резины, какой-то синтетики; пополз над паркетом, потянулся к открытым окнам едкий сизый дым.

Двое-трое мужчин бросились отдергивать шторы и распахивать еще шире расположенные под потолком окна. Остальные тангерос и тангеры, не сговариваясь, повалили в просторный холл – переждать газовую атаку на безопасном расстоянии.

Костя боролся с желанием спросить Ксению, не находит ли она атмосферу праздника безнадежно испорченной. Умная женщина поймет, что он хотел бы уйти, и сама предложит покинуть милонгу. Но, пока она не устала от танцев, Ксению уводить опасно: расстроится и будет через силу бодриться и изображать приветливость.

– У них что, более серьезные отношения, помимо деловых? – поинтересовался он.

– Ты про Валентина и Оксану? Совершенно точно нет! Измайлов слишком умен и расчетлив, чтобы устраивать такое под носом у жены.

– То есть она взвилась только из-за того, что с ней не согласились?

– Ее практически выгнали!

– Ничего подобного! Он сказал вообще, кому сильно не нравится, может уйти. А она... даже туфли с ног посрывала. Какая темпераментная девушка!

– Я не понимаю: ты восхищаешься ею или осуждаешь?

Костя смущенно пожал плечами.

– Просто констатирую факт. Она, к сожалению, не в моем вкусе.

В холле звучала музыка. Возбуждение от недавнего инцидента постепенно улеглось, некоторые пары начали танцевать прямо здесь. К Ксении подошел молодой человек, недавно догонявший среди немой сцены взрывную Оксану. Застенчиво улыбнулся пухлыми губами, задал традиционный вопрос: «Ты танцуешь?» И расцвел всем своим круглым, добродушным лицом, когда она ответила утвердительно. Костя опять отметил – на сей раз с удовольствием, – что у парня на голове красуется огромная, во всю макушку, лысина. Жених ли он там чей-то, нет ли...

* * *

Рома лавировал между людьми, ведя Ксению за руку. Он искал место, где можно было бы начать танцевать.

Ксения поинтересовалась, подошла ли Роману для работы в тренинговом центре девушка, которую недавно направила к нему. Некоторое время назад выяснилось, что Рома тоже психолог, возглавляет тренинговую службу в серьезной компании. Когда тот пожаловался, что не может найти специалиста, Ксения направила к нему свою бывшую сотрудницу – очень толковую. Рома смущенно ответил, что с девушкой все некогда встретиться: то командировки, то работы завал, а вечерами вот танго.

Места все не находилось. Он в отчаянии предложил:

– Пойдем в зал! Там, наверное, уже проветрилось.

Ксения мимолетно подумала о распахнутых окнах, но решила рискнуть: Рома своей массой прикроет ее от любого сквозняка. А ведет он интересно: музыкально, разнообразно. При

этом не переходит границ ее крепкого среднего уровня: не делает ничего слишком тонкого, пугающе непонятного. Зато скорость и неожиданность в шагах! Пусть у него будет простор!

Они вошли в зал и замерли на пороге. Он, оказывается, не был пуст! Одна пара уже танцевала здесь – среди едкого, но с каждой минутой слабевшего запаха гари и острого холода. И какая пара!

Когда из камина повалил дым, первым бросился открывать окна Корнев. Да так, видно, и остался в зале. А вот когда и зачем вернулась сюда Оксана?!

Лео мог танцевать отдельно под любой из инструментов, свивающих мелодию танго. Он идеально слышал перебои ритма, внезапные удвоения, неожиданные паузы – и обыгрывал их: остановкой, замедленным, бесконечно тягучим шагом, пулеметной очередью коротеньких вертлявых шажков. То он проделывал все это сам, вынуждая партнершу замереть на месте, то, наоборот, вальяжно приостановившись, крутил ее корпусом, заставляя, будто невольно, высоко подбрасывать ноги, с немыслимой скоростью бежать извилистым маршрутом вокруг него. Партнерше, оказавшейся с ним в паре, требовалось не только знание богатого ассортимента движений, но также высокая чувствительность – чтобы распознавать самые разнообразные и неожиданные «команды», подаваемые неуловимыми поворотами корпуса, и хорошая скорость реакции – чтобы вовремя эти «команды» выполнять. На милонгах Лео почти без исключений выбирал себе в пару стройных, длинноногих женщин. Но лишь тех, что умели виртуозно танцевать и чутко его слушаться.

Помимо великолепной техники и музыкальности, у Лео была своя изюминка. Он вечно сохранял в манере танца некоторую ленивую небрежность и в каждом своем танго оставался остроумным шутником. Утрированное движение, едва уловимое кривлянье, легкая гримаса на лице подчеркивали неожиданные ходы и намеренные несуразности его танца. Он мог и с абсолютно серьезным видом поставить партнершу в несколько непристойную, но изящную позу и встряхнуть – так, чтобы мелко затряслись прекрасные формы. Он не придумал сам ни единого па – использовал только достижения аргентинцев. Но, следя именно за его танцем, зрители порой покатывались со смеху.

Для того чтобы понравиться Лео на танц-поле, Ксении не хватало быстроты реакции и уверенности в себе. Порой она, хоть и чувствовала, чего хочет от нее учитель, не решалась сделать непривычный шаг, казавшийся неправильным, противоречащим всем усвоенным прежде стандартам. Лео определенно симпатизировал элегантной, контактной ученице с ладной фигурой, но больше одного танца – и то во время урока – на нее не расходовал...

Мелодии гасли и вспыхивали вновь, сменяя друг друга, а Корнев не выпускал из рук нынешнюю свою партнершу. Он танцевал с Оксаной крайне редко: девушка небольшого росточка, плотненькая была не в его танго-вкусе, да к тому же – помощница главного конкурента в борьбе за умы и ноги начинающих тангеро.

Из танцзала, где по-прежнему были открыты все окна, несло стужей – и камин ни капельки не спасал! Глубокий вырез темно-бордового платья на спине Оксаны прикрывал дымчатый шарф. Она танцевала босиком.

– Какой молодец Лео, что вернул Оксану! – сказала Ксения, обернувшись к своему спутнику.

Рома не реагировал ни пожатием плеч, ни шевелением бровей. Глаза его затуманились, черты рыхловатого лица размягчились более обычного. Рука болталась вяло и расслабленно, и Ксения заметила, что не Рома, а она сама по инерции сжимает его ладонь в своей.

Раньше Роман и Оксана крепко дружили: вместе – на милонги, вместе – на все уроки. Ксения училась в другой группе и пропустила момент, когда ребята расстались. Тогда казалось, что Оксана проявляет больше заинтересованности в общении, да и после охлаждения отношений Рома не был замечен в закидывании бывшей возлюбленной нежными взглядами. И вот теперь вдруг обнаружилось, сколь небезразлична ему девушка!

Прошло еще не меньше десяти секунд до того, как Рома вздрогнул и обернулся. Взгляд медленно обретал осмысленность и одновременно становился смущенным.

– Извини, пожалуйста! – Роман всегда отличался трогательной вежливостью. – Я задумался... Засмотрелся. Так красиво, правда?

Ксения едва успела кивнуть и вновь перестала для него существовать. Осторожно отпустила Ромину руку, не желая мешать ни ему, ни самозабвенно танцующей паре. Сделала было шаг назад, но задержалась, стоя уже за порогом. Несостоявшийся партнер даже не обернулся, а Ксения продолжала вглядываться в зал из-за его спины.

Так странно изменился Коренев! Его всегда желтовато-бледное лицо буквально пылало. Он, как обычно, виртуозно обыгрывал мелодию танго, и даже плотненькая Оксана казалась в его руках ковыльным перышком, пляшущим язычком пламени, не имеющим ни веса, ни массы. Только был он необычайно сосредоточен. В любой другой раз Лео обязательно подмигнул бы робкой парочке, застрявшей на пороге танцзала, сделал бы переднее болео в их сторону, то есть со всей силы махнул свободной ногой партнерши перед самым носом у Романа, а в перерыве между мелодиями мог бросить остроумную и едкую реплику. На сей раз он не обращал на вошедших никакого внимания – будто не видел! Но и со своей партнершей он не шутил! Лицо оставалось отчужденным, движения – четкими и скупыми. Он не играл, не забавлялся танцем, а вкладывался в него без остатка – впервые на памяти Ксении! Оксана же уткнулась лицом в его плечо – густые и длинные черные волосы разметались по его рубашке – и ни разу не повернула головы, какие бы пируэты ни выделявали ее ноги. Может, плакала навзрыд, и по светлой рубашке Коренева расплывалась черная тушь, перемешиваясь с румянами? Пара ни разу не разомкнула тесных объятий, что также было нехарактерно для танцевальной манеры Лео.

В полутемном пустынном зале мерцали огоньки десятков свечей, камин ярко разгорелся, он успел без остатка переварить старые туфли. Сквозняк полоскал плотные шторы, хлопал ими со всей силы, поднимал так высоко, что становилась видна темнота за распахнутыми настееж окнами – будто жаркой летней полночью, если забыть о холоде! Среди отсветов живых огней и полета занавесей пара смотрелась романтично, таинственно.

Ксении почудилось, будто она созерцает сцену слишком интимную, не предназначенную для чужих глаз. Она ушла и, оказавшись в холле, немедленно отобрала у Кости пиджак.

* * *

Сгусток живого счастья, облеченный в стройное тело и приятное, улыбчивое лицо, носившие имя Ксения Царева, аккуратно прошагал на высоких шпильках в сторонке от Виталия – по направлению к раздевалке. Об руку с женщиной – мужчина – тугой узел, сплетенный из гордости и желания, силы и тревоги: Константин. Виталию было очевидно, что Костя дохаживает последние холостяцкие дни, хотя сам еще не догадывается об этом. Виталий тоже сомневался бы, даже если бы его женщиной была Ксения Царева! Тем не менее он проводил уходящую парочку привычным вздохом и дежурной мыслью: «Когда же у меня-то жизнь наладится?»

Было немного досадно, что Ксенька, с которой больше года отзанимались в одной группе, с которой так увлеченно обсуждали вопросы трансперсональной психологии, которая весь прошлый новогодний праздник доверчиво проплакала в уголке танцзала в его плечо, рассказывая о своей несчастной любви¹, сейчас не отыскала его взглядом, чтобы кивнуть на прощание. Виталий еще раз вздохнул.

Спать хотелось отчаянно. Глупо было во втором часу ночи пить третью чашку кофе и нарываться на дичайшую аритмию. Пора ехать домой. Перед отъездом, ясное дело, следовало

¹ События, происходившие с Ксенией Царевой в ту зиму, описаны в романе «Повелитель ветра».

протанцевать последнюю *танду*, в просторечии – «блок»: четыре собранных вместе в непрерывную запись мелодии. Длинная, худощавая – жердь жердью, если бы не двигалась так великолепно! – Лера Петрова обнаружилась сразу: ее стриженный перышками затылок возвышался над головами беседующих и танцующих. Лера на высоких каблуках была ростом вровень видному Виталию!

В зале было темно и пустынно, и Виталия туда совсем не тянуло, хотя он терпеть не мог танцевать в тесной толпе. Кто же это любит!

– Ну, как твои поиски, Виталик?

Он понял, что Лера имеет в виду.

– А я и не ищу. Где искать-то? И как?

– Ты, Виталик, рисуешься просто! Посмотри, сколько вокруг женщин! Симпатичных, умных, свободных...

– Это не женщины! – парировал Виталий. Он примерно знал каждую следующую фразу полшутливого диалога.

– Как не женщины? – опешила собеседница. – Что ты имеешь в виду?

– Потому что вместо того, чтобы просто дать, они пускаются в какие-то никому не нужные рассуждения: зачем, когда, на каких условиях!

– Виталий! Но ты же говорил, что тебя давно перестали устраивать связи на уровне провинциального санатория!

– Перестали.

– А если женщина дает сразу и без рассуждений, это и есть санаторий!

– Нет, я поднимаю планку! – твердо заявил Виталий, вовсе не намеренный при этом соглашаться с Лерой.

Однако та просияла:

– То-то же! Обрати внимание вон на ту, черненькую. – Она махнула головой в сторону пухленькой хохотушки Наташи, помощницы Коренева. – По-моему, она равнодушна к мужчинам, и у тебя есть шанс! Она не производит впечатления безмозглой.

В углу располагался столик, на котором каждый из участников рождественской милонги оставил свое угощение: тортики, домашние пироги, конфеты, вино. Бережно взяв Наташу за руку, ее как раз в этот момент подводил к столику полный молодой человек с хвостиком на затылке – Виталий сейчас не сумел вспомнить имя – из фанатов – «добровольцев». Он прежде учился у Измайлова, теперь все чаще захаживал к Лео. Наташе последнее время определенно нравилось с ним заниматься, и Виталию доставалось от талантливой девушки меньше внимания и помощи, чем прежде. Он посмеивался, молодежи старался не мешать и чаще для разъяснения сложных моментов теребил самого Коренева. Виталий проследил взглядом, как толстячок заботливо обеспечивает свою спутницу едой и выпивкой. Наташа, против обыкновения, не заливалась смехом через каждое слово, а мягко, нежно улыбалась кавалеру.

Виталий иронично повел бровью и вернулся к беседе:

– Наташка – ведущий программист в какой-то крупной фирме.

– Да, я забыла, что вы занимаетесь в одной группе! Так в чем же дело?

– Она не в моем вкусе. Я же говорил: не люблю брюнеток и толстухек!

– Предпочитаешь белые перья и строгие формы, вроде моих? – поддела Лера.

– С замужними бесперспективно: я, кажется, хочу нормальную семью.

Виталий уклонился от истины. Не в перспективах дело. Худощавое, скуластое, несколько «лошадиное» лицо Леры тоже не возбуждало его воображения. Зато с Петровой классно дружить и танцевать, как раз потому, что она вовсе не навязывается в ином качестве!

– Ты, друг мой, как я вижу, слишком привередлив! Это заставляет сомневаться: хочешь ли ты вообще... чего-то?

– Чего-то – точно хочу!

Виталий, резко отшагивая назад, увлек за собой и слегка развернул партнершу, ее нога автоматически обвилась вокруг его колена. Получилась эффектная концовка под последний такт мелодии. Умница Лерка: не подвела! Крутнул-то он, если честно, коряво.

Ритм сменился – в новой мелодии он был скорым и четким. Милонга – быстрое танго, требующее хорошей разворотливости и иного типа движений. Из учеников старшей группы только глубокоуважаемый друг Сергей Травкин справлялся с исполнением милонги еще хуже. Но разве такое утешает? Травкин нерегулярно ходит на уроки и вообще по другой части. Кто бы знал, как основательный, неторопливый Виталий не любил танцевать милонгу! Его бывшая партнерша знала. Он так мучительно и невпопад дергал ее под торопливые аккорды милонги.

Ее звали Света. Она была активна в постели, пекла вкусные пирожки, изъяснялась пошлыми шутками и банальными суждениями, но у нее был ласковый и теплый взгляд. Виталий настраивался серьезно, однако в капризах Светланы, необоснованном надувании губ и отстранении вновь заблестел глуповатыми масляными глазками «санаторий». Из-за нее Виталий упустил Ксению. Впрочем, Бог, значит, не дал!

Виталий прилежно учился, честно осваивал и милонгу, но для завершения танцевального вечера это тяжело! Тем временем тело, приученное ходить под музыку, сделало первые короткие и быстрые шаги. Легкость, с какой Лера послушалась – или, как принято говорить среди любителей танго, «повелась», – выглядела как издевательство. Виталий остановился. Пропустил два такта, еще два. В голове звенела пустота, тело напрасно ждало хоть каких-то команд от высшей нервной системы и, не получая ни единой, погружалось в нирвану.

Мимо, подскакивая и подергиваясь, промелькивали пары. Виталий перестал понимать, что нужно делать и зачем. Такты утекали катастрофически быстро; секунды – гораздо медленнее! Лера заглянула ему в лицо, ее глаза выражали поддержку и желание помочь. Виталий не ждал помощи и не нуждался в ней. В голове проносились пустые мысли, бесхозные наблюдения.

Вот партнер ближайшей пары в повороте толкнул Леру плечом. Не сильно, она даже не качнулась. Вот рядом оказались Наташа с Романом – теперь Виталий без напряжения вспомнил имя толстого танго-фаната с хвостиком – нового Наташиного любимца. Они приостановились на месте: Рома довольно умело побуждал Наташу крутить болео, из которых ее нога с легкостью улетала в ганчо. Целая серия глубоких красивых волькад. Молодые люди громко разговаривали, чтобы перекрыть голосами музыку.

– Золушке пора покинуть бал: через полчаса закроют метро на вход.

– А пересадка?

– Я по прямой. Только до дому идти дворами страшно. Но я привыкла... А тебе далеко добираться?

– Далеко, за город. Но у меня есть *машинка!*..

Рома стремительно повел Наташу вперед. Виталий качнулся в том же направлении – Лера неуверенно сделала короткий отшаг назад, но ее партнер вновь стоял как вкопанный.

Вновь – по касательной к сознанию – образы, ощущения, звуки.

Из двери зала несет ледяным сквозняком – прямиком в поясницу – верный радикулит. Правым глазом видно: в зале темно и горят свечи. Знакомый силуэт вырос на пороге.

Теперь остро захотелось уйти. Любым шагом – не обязательно танговым. Лишь бы оказаться в другом месте, подальше. Но ноги намертво прилипли к полу. Сострадание победило желание бежать немедленно от печального и пугающего зрелища, неуместного здесь, среди беззаботности танцевальной вечеринки. Виталий открыл рот, чтобы спросить Лео, что с ним случилось и не нужна ли помощь, но слова не шли: горло перехватило, будто от порыва стужи.

– Что с тобой? – Уравновешенная и не склонная к панике Лера теперь смотрела на Виталия с откровенной тревогой. – Нехорошо?

– Кому? – упрямо уточнил Виталий, отказываясь верить, что вопрос обращен к нему. При чем тут он?! Горло все еще плохо повиновалось, и он выразительно закивал в сторону медленно бредшего вдоль стеночки Коренева.

– Он!.. Посмотри!.. – наконец удалось ему выдать из себя.

Лера послушно обернулась, но Лео уже скрылся в коридоре, ведущем к раздевалкам и выходу. Она с еще большей тревогой воззрилась на Виталия, вцепилась в его плечи с явным намерением удержать большое тело от падения.

– Подожди. Извини! Я сейчас...

Оцепенение уходило медленно, постепенно. Он шел к раздевалкам, искренно желая потопиться, но ускорение не давалось ему так же фатально, как удвоения и утроения коварной милонги. Впрочем, куда Лео денется в таком состоянии? Вот уж подходящее к случаю выражение: краше в гроб кладут! Он в раздевалке или в туалете.

Корнев не обнаружился ни по первому адресу, ни по второму, ни за дверями гостеприимного подвала, куда Виталий выскочил, едва накинув куртку. Рвануть по морозу к автостоянке? А если Лео оставил машину за углом? Или прибыл сегодня пешком и теперь ловит такси на другой стороне улицы? Мелкие колючие снежинки впились в кожу лица и не защищенной ни шарфом, ни воротником шеи. Виталий ретировался в подвал; постукивая зубами, достал мобильный телефон.

Вздрогнул от незнакомого низкого женского голоса, нежного и чувственного, пожелавшего ему спокойной ночи. Обернулся. Наташа! Об руку с тем толстым парнем, бывшим десанником, – опять забыл, как его зовут! Не только голос – Наташа и внешне преобразилась: и без того прямые от хореографических занятий плечи гордо расправлены, пышная грудь вздымается, на щеках играет румянец, темные глаза весело блестят. Хорошенькая! Можно бы и наплевать, что брюнетка, только поздно: девушка плавится от удовольствия, заполучив кавалера! Виталий тепло распрощался с молодыми людьми – безо всяких двусмысленных взглядов и намеков: зачем их смущать? Еще спугнешь ненароком едва нарождающийся роман! Пусть хоть кому-то хоть однажды по-настоящему повезет в этом подвале!

– Рома, я так рада, что ты меня подвезешь!

Наташа с кавалером чинно поднимались по крутой лестнице.

– Правда, не представляю, каким образом теперь проникнуть в дом! – Помощница Коренева мелодично рассмеялась.

– Как ты это делаешь обычно? – невозмутимо уточнил мужчина.

– Обычно я не забываю ключи! Родные уже глубоко спят; совестно их будить. А твоего возвращения кто-нибудь ждет по вечерам?

– Моя мама живет в Дубне...

В трубку, по-прежнему прижатую к уху Виталия, наконец, ворвался уличный шум и гул ветра, перекрывая знакомый голос.

– Ну, ты пошел спать? – осведомился Виталий нарочито бодро. С трудом расслышал утвердительный ответ. – Что же ты, мимо идешь и даже не прощаешься?!

Сквозь шорохи донеслось обрывочное:

– Извини... Тебя не заметить... Больше никогда...

Показалось, в заглушенном шумами голосе прозвучала привычная ирония.

Виталий наскоро попрощался и дал отбой. О помощи его никто не просит – вот и ладно! Почудилось что-то, все в порядке!

Вторник. Две ночи Милонгеро

*В этот рай, где было больше слез, чем смеха,
Где гостит так часто слово «грусть»,
В этот рай, где было больше тьмы, чем света,
Милый друг, никогда я не вернусь.*

И. Богушевская. Прощай!

– Ну, выходи! Боишься, сука?! Е... т... м...! Всех из калаша положу!

Между пьяным матерщинником и двумя обнаженными телами не было преграды. Газовое отопление работало на совесть, и окно было приоткрыто, а дебошир стоял прямо под ним. К счастью, на окне поставлена крепкая решетка. Но голосу решетка не помеха!

Пришелец то орал, то лупил в дверь. Дверь тоже очень крепкая, в железной раме, да еще двойная, и заперта на ночь на два замка. Но от звука ударов казалось, что обе двери легко проломаются, слетят с петель. Еще точнее: казалось, что лупят по двери не снаружи дома, а изнутри и что крик раздается прямо здесь, в маленькой, аккуратненькой комнате загородного дома.

На улице царил пасмурная, беззвездная ночь, обильно подсвеченная уличными фонарями, высветленная, насколько возможно, не слишком обильным снегом, но все же темная и по-сельски глухая. Роман припал к окну, высунувшись между плотными шторами и без стеснения предоставив Наташе созерцать свой несколько раскормленный тыл. Тут уж не до стеснения, разумеется... Наташа села на кровати, лишь до пояса прикрытая одеялом. Ей и вовсе смущаться не приходилось: Рома ее сейчас не видит. Они не зажигали света, не разговаривали и старались двигаться бесшумно. Наташе хотелось, чтобы Рома хоть что-нибудь шепотом, жестами ей объяснил, распорядился, как действовать. Но тот не двигался, не отлипал от окна.

Наташа от полной своей непригодности в деле защиты и чтобы как-то справиться с шоком, разбиралась в овладевших ею противоречивых чувствах. С одной стороны, она пока воспринимала ситуацию как относительно безопасную для собственной жизни и здоровья: если голос пьяного дебошира и разгуливает по дому, то самому отморозку сюда не добраться. С другой стороны, кто знает, что он учудит в следующую минуту: начнет и впрямь стрелять в окно из автомата, подожжет дом начиная с двери... Почему-то Наташе казалось, что из всех этих ситуаций найдется довольно простой выход. Она хладнокровно просчитывала варианты спасения, да и на Романа можно положиться: все-таки парень в свое время два года отслужил в ВДВ...

Рома, до сих пор хранивший память об армейском братстве и гордость за приобретенные навыки, в том числе навыки рукопашного боя, – вот кто вызывал сейчас у Наташи и парализующий страх, и разочарование, и злость.

Первые несколько минут после того, как некто начал колотить в дверь и выкрикивать угрозы, молодые люди проснулись и Роман подошел к окну, Наташа очень боялась, что бывший десантник сейчас бросится на улицу – выпроваживать хулигана. Мгновения шли, выкрики становились отчетливо оскорбительными. Рома не оставит безнаказанной такую мерзкую матерную ругань в присутствии девушки, с которой проводит первую ночь после столь романтического вечера. Он просто сгорит со стыда перед Наташей, если не выскочит, не врежет пьяному агрессору и не выпроводит того со двора немедленно!..

Наташа, стиснув пальцы, лихорадочно соображала, как его удержать, какие найти слова, чтобы остановить возвышенный порыв, представляла, как вцепится в Ромину руку, повиснет на ней. Не станет же благородный защитник стряхивать свою возлюбленную, будто надоевшую

зануду жену! Остановить Рому надо будет обязательно. Если он полезет в драку, как бы дело не дошло до смертоубийства: вдруг у дебошира есть оружие?! Обыкновенного перочинного ножа хватит, чтобы опасно ранить давно потерявшего боевую квалификацию, мирного и доброго бывшего десантника!

Однако мгновения продолжали вязко, через силу сменять друг друга, а Роман по-прежнему стоял в неэстетичной позе, приклеившись лицом к окну, и благоразумно не торопился покидать маленькую крепость.

Когда Наташа поняла, что ее мужчина не сдвинется с места, она испытала облегчение, а сразу вслед за этим почувствовала себя оскорбленной. Он даже не пытается защитить ее честь! Впрочем, какая тут честь? Нарушитель не в курсе, что здесь находится женщина, он ни слова не сказал в ее адрес. Но защитить ее уши от грязной брани следовало бы! Наташа понимала, что совершенно неправильно ждать от тридцатипятилетнего мужчины глупой и опасной юношеской горячности. Но мудрость взрослой двадцативосьмилетней женщины совсем не спасала от разочарования!

– Выходи, такой-растакой!.. Кусты понасажал! – донеслась со двора принципиально новая реплика. Раздался треск ломаемых веток.

Все! Теперь Рома точно пойдет разбираться! Иначе хозяин кусочка старой дачи, который он снимает уже второй год, не простит ему погубленной садовой растительности и откажет в дальнейшей аренде, а он держится за это крайне дешевое и относительно удобное жилье! Однако Рома, припавший к окну, даже не вздрогнул. Видно, ни за что особо ценное налетчик не успел схватиться.

Тут Наташе стало совсем дурно. Она точно поняла, при каких обстоятельствах Рома выйдет на бой обязательно, без вариантов! Если угроза нависнет над его стареньким, но любовно обихоженым и облагороженным «москвичом» – единственным транспортным средством, которое на данный момент может себе позволить без году неделя ведущий бизнес-тренер солидной фирмы, приезжий из дальнего подмосковного городка, фанатичный любитель танго, тратящий на занятия немало заработанных средств. Когда разъяренный хулиган приблизится к машине, Рома выскочит на улицу, вступит в схватку, будет опасно ранен ножом, который обязательно есть у преступника. Наташа останется один на один с бандитом... Эта перспектива почему-то не пугала: она была уверена, что пьянчуга убежит, ужаснувшись содеянного... Наташа останется один на один с тяжелораненым другом, своим полным незнанием основ оказания первой медицинской помощи и мобильным телефоном, по которому неизвестно, как вызвать скорую, если учесть, что они за городом и местные номера неотложки и милиции ей неведомы...

– Так и не вышел!.. – В громком голосе, донесшемся на сей раз издалека, уже не было угрозы – лишь глубокая горечь. – Так и не вышел... – повторил незванный гость на грани различимости.

И все стихло. Только автомобили тихонько шелестели по расположенному в отдалении шоссе.

Рома обернулся:

– Не спишь?

Кажется, это из «Алисы в Стране чудес»: «Если англичане оказались в глупом положении, они начинают вести светскую беседу». Наташа ободряюще улыбнулась.

Раньше Роман все больше тусовался у Измайлова, и Наташа была знакома с ним только шапочно. А не так давно он перекочевал в группу Коренева на правах волонтера.

На уроках, как правило, хронически не хватает партнеров. Плата за занятия не так уж мала, а женщины порой половину учебного времени простаивают у стеночки в ожидании, когда у одного-двух не имеющих постоянной пары партнеров дойдет до них очередь и интерес. Неко-

торые уходят, наскучив ожиданием либо не выдержав накала конкурентной борьбы с более яркими, привлекательными и талантливыми ученицами.

Пухленькая Наташа вначале тоже страдала от недостаточного внимания партнеров. Простой и выигрышный ход – одеться броско, – помогающий многим посредственным ученицам выбиться в примы, ей был противопоказан. Наташе хватало вкуса, чтобы понять: ее фигуру одежда ярких цветов, с глубокими вырезами, облегающая и ультракороткая делает нелепой! Она легко схватывала движения, но как достичь успехов, когда тебя редко выбирают?! Вообще-то многим мужчинам Наташа очень нравилась, однако на уроках танго царил другой идеал – и немудрено: тут партнершу надо еще и вести в танце, поддерживать вытянутой рукой, вращаться вместе с ней.

Она стала брать частные уроки. Разумеется, у Коренева. Спустя непродолжительное время тот уже не мыслил, как вести урок, не обращая то и дело к помощи Наташи, которая освоила программу быстрее других и все новое схватывала на лету. Наташа стала довольно успешно осваивать и мужскую партию, чтобы «бесхозные» партнерши меньше простаивали, подпирая стенку. Раз уж ее тело поняло принцип танговской пластики, она могла с математической точностью объяснить любое движение. А если ты можешь что-то объяснить, то почему не сделать это для других?! Тем более что Коренев как раз был не в состоянии рассказать словами, как надо делать то или иное движение. Наташа щедро делилась танцевальным опытом как с женской частью группы, так и с мужской.

В приглашениях позаниматься на уроке и потанцевать на милонге не стало отбоя. В качестве бонуса, на который Наташа совсем не рассчитывала, зеркало в скором времени стало показывать нереально узкую талию, сильно осунувшиеся ягодицы, мускулистые ноги идеальной формы. Грудь же сохранила прежний объем, что на фоне остальных перемен сделало ее конфигурацию невероятно выигрышной.

Разумеется, далеко не всем девушкам хватало времени, денег, желания, таланта, чтобы совершить рывок в примы, подобный Наташиному. Вот для таких партнерш, чтобы вернуть их интерес к занятиям и сохранить для клуба их денежки, приглашали волонтеров – любых достаточно продвинутых партнеров из других групп: позаниматься бесплатно, «поводить» барышень. Только истинные фанаты готовы приходить на занятия четыре-пять раз в неделю, долбить заново уже кое-как освоенную технику, оттачивать мастерство, занимаясь с самыми бесталанными и отстающими ученицами.

Рома в кратчайшие сроки превратился из неуклюжего новичка в фаната. Когда Наташа в конце ноября вернулась из отпуска, она была поражена тем, как ловко, уверенно, с каким чудесным чувством ритма ведет бывший толстый увалень из младшей группы Измайлова, которого она едва помнила. Тут еще заслуга Коренева: он на несколько голов выше Измайлова в танго – и как танцор, и как преподаватель.

– Ложись! Давай спать!

Рома забрался обратно под одеяло, тяжелой рукой потянул туда же за плечи Наташу. Она не сопротивлялась, просто реагировала заторможенно. Молодой мужчина истолковал неподатливость ее тела по-своему, сел рядом.

– Наташ, прости, пожалуйста! Он год не объявлялся. Надо же было, чтобы он пришел именно в эту ночь.

Девушка молчала, мало что понимая.

– Если бы я вышел драться, – добавил ведущий бизнес-тренер крупной фирмы еще более неуверенно, – получилось бы гораздо хуже... Давай спать?

– Ром, а он не вернется?

– Не знаю. – В голосе бывшего десантника звучала трогательная покаянная растерянность.

Взгляд Наташи в который раз некстати прилепился к широкой лысине, уютно раскинувшейся среди светлых кудрей на макушке ее новоиспеченного любовника. До сего момента ей удавалось вовремя отводить глаза, но сейчас ни они, ни тело почти не слушалось вялых и противоречивых указаний ее утомленной психики.

– Кто это? – Голос прозвучал глухо и угрожающе, хотя Наташа вовсе не собиралась разыгрывать недовольство.

– А! – Рома с облегчением выдохнул: наконец-то понял, что на самом деле от него сейчас требуется. Не оправдания, не извинения – объяснение ситуации. – Это родственник моего хозяина. По-моему, племянник. Дом поделен на несколько частей. Все владельцы состоят в родстве. Они были очень недовольны, когда мой хозяин стал сдавать свою часть дома. Появился чужой человек, неизвестно, чего от него ждать...

– Но за два года они могли убедиться, что ты мирный, безобидный сосед!

– Да, я такой!

Рома улыбнулся смущенно, озорно и несколько кокетливо, как милый ребенок, который считает, что честно заслужил похвалу, но хочет продемонстрировать взрослым свою скромность. Наташа тихонько рассмеялась.

– Понимаешь, этот молодой человек появляется здесь крайне редко. У него, кажется, есть свои претензии на часть дома, где мы с тобой сейчас находимся. Когда крепко выпьет, он впадает в буйство; с ним никто из родных не может совладать. Вряд ли он даже думал о моем существовании. Скорее всего, мечтал устроить разборку с дядей.

– Ты так спокойно реагировал, Ром. Он по-настоящему опасен?

– Не знаю. Я не проверял! – Собеседник опять обезоруживающе улыбнулся.

На сей раз Роману удалось увлечь Наташу на подушку и, придавив массивной рукой плечо девушки, погрузить ее в сон – правда, не слишком глубокий.

Через два часа атака повторилась. Разудалый голос вновь что-то кричал под самым окном, правда, теперь реплики раздавались куда более мирные. Но Наташа испугалась не на шутку: недооценила выносливости хозяйского родственника! Она была уверена, что тот давно выбился из сил. Но если это не так, тогда кто знает, на какие еще подвиги хватит его заряда бодрости?! Однако стоило Роману зажечь свет, крик под окном прервался на полуслове.

Утром, как только Роман, вставая, убрал с Наташиного плеча тяжелую и мягкую руку, она очнулась. Уже рассвело, значит, было больше девяти утра. Спать хотелось отчаянно, однако Наташа поднялась и стала заторможенно одеваться.

Вернувшийся в комнату Рома ее тормошил. Задавал вопросы о настоящем моменте: не хочешь ли еще поспать, не согреть ли воды для мытья, сделать чаю или кофе. А в виноватом взгляде, в смущенном голосе читалось: «Ты не сердись за ночной инцидент? Считаешь, что я не имел права приводить тебя в дом, где так беспокойно? Думаешь, хреноватый я десантник и вообще ненадежный, да? Ну, скажи же хоть что-нибудь!»

Наташа не сердилась. Но она молчала. Это был шок. Это была досада, что попала в неловкую ситуацию.

Не выдержав неопределенности, Роман прямо спросил, как ей ночное происшествие: наверное, это очень неприятно, оказавшись в незнакомом месте, сразу попасть в такую передрягу! Наташе стало жаль парня, она улыбнулась, ответила что-то ободряющее. Рома не скрывал облегчения.

– Тебе к которому часу на работу? – поинтересовалась Наташа.

– Могу себе позволить не торопиться, как и ты.

Да! Они же вечером обсуждали, что Наташе начальство без проблем дает один свободный день в неделю – лишь бы дело делалось, а у Романа всегда есть отгулы за проведение тренингов в выходные дни. Однако Наташа твердо решила уехать сразу после чая и стала при-

думывать предлог. Мозги едва шевелились, как и руки, которые хорошо бы побыстрее справились с натягиванием, завязыванием, застегиванием!

Завтрак Наташа приготовила сама из найденных в холодильнике яиц, поскольку выяснилось, что Рома обычно встречает утро ломтем колбасы: «Ее жарить не надо».

– А мюсли? Вкусно, питательно и куда менее вредно для здоровья. Их только молоком залить!

– Вот видишь! А колбасу и молоком заливать не надо!

Рома становился все разговорчивее и веселее. Наташу тоже отпустило, более или менее убедительный предлог для отъезда нашелся.

Оставалось улизнуть таким образом, чтобы Рома не решил, будто она избегает продолжения близости. Ужас, который Наташа испытывала при мысли, что придется вновь, дрожа от холода на террасе, куда не проведены трубы отопления, споласкиваться над тазиком, и лишний раз посещать во дворе замороженный туалет с выгребной ямой, она не сумела бы, да и не желала преодолевать! Близость сама по себе произвела неоднозначное впечатление. Местами не без приятности, но Ромин энтузиазм, и без того вполне умеренный, казался натянутым, потому и Наташе не удалось расслабиться. Под конец она перестала понимать, для чего они все это затеяли. Тонуть в объятиях пухлого, уютного Романа, спать под его тяжелой большой рукой – вот что ее по-настоящему согрело. Если бы не ночное происшествие!.. Короче, Наташе на сегодня достаточно впечатлений. Скорее домой – расслабляться, переваривать!

Железнодорожная платформа рядом. Расписание электричек Рома знал наизусть. Так что провода вышли короткими. Обнялись, долго целовались на прощание, однако Рома не обещал позвонить и не назначил следующей встречи. Из тамбура Наташа бросила с небрежной доброжелательностью свое коронное: «Появляйся!» Круглое Ромино лицо расплылось в широкой улыбке, но он ничего не ответил.

За окном поплыли невзрачные пейзажи ближнего Подмосковья. Наташа расслабленно – после бессонной ночи – припоминала все ее события. Она-то полагала, что Рома просто робеет перед ней, такой востребованной партнершей. Видела, как смотрит с восхищением. Перед милонгой они случайно встретились. Рома так разволновался, что несколько раз споткнулся на крутой лестнице, ведущей в уютный подвал. В полутемном пустом зале, в тесной близости под стойкой бара он точно был готов поцеловать Наташу, а она тормознула. Потом думалось: надо ободрить его, показать, что все можно! И что же из этого вышло?

Целый день на работе Наташа клевала носом, но домой не ушла: перевозбуждение – все равно не уснуть! Туфли и платье с собой. Вечером урок в «Витанго» и после милонга. Вот на милонге она, наверное, долго не продержится!

Урок вела аргентинка, которой Наташа еще не видела. Тангера приехала в Москву одна, поэтому в шоу не участвовала. Наташа купила так называемый «пакет милонгера», то есть право посещать все мероприятия фестиваля. Грех было бы пропустить хоть что-то!

В начале урока вышла заминка. Помогать аргентинке вести занятие в качестве партнера и переводчика должен был Коренев. Однако он сильно простудился. Надеялся, что к вечеру удастся справиться с нездоровьем, – не вышло. Незадолго до начала сообщили, что Лео не придет. Видя всеобщую растерянность, Наташа едва удержалась от того, чтобы ринуться на выручку: подменять Коренева – это теперь функция Анны.

Уже год, как Наташа помогает Кореневу вести уроки. С удовольствием и добросовестно. И у нее, черт возьми, получается! К ней часто обращаются за разъяснением. Она старательно переводит на доступный новичкам язык то, что Лео может блистательно показать, но не в состоянии объяснить ни словами, ни разложением сложного движения на простейшие элементы. Наташа освоила партию партнера, которая была ей совсем неинтересна. Результаты добровольных усилий налицо! Мало кто из учеников знает, а кто не знает, те и не догадываются, что Наташа наравне со всеми платит за занятия. Коренев охотно пользуется ее помощью на уро-

ках, вместе с тем официально он не признал ее помощницей. Лео редко танцует с Наташей на милонгах и бросает сразу, как только она допустит ошибку! Причину высокомерно-потребительского отношения он никогда бы не озвучил, но Наташа, к сожалению, догадалась. Ее пышные формы всему виной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.